

А.А. Улунян. Все мы знаем, что основополагающими элементами координат являются время и пространство. Сегодня мы уже говорили в определенной степени о времени. Много говорили даже о пространстве. Но мне бы хотелось сделать некоторое уточнение.

Прежде всего, хотел бы привести две цитаты. В них содержится ряд определений, с которыми мы можем соглашаться или не соглашаться, но они важны сами по себе.

Первая из них – это известная цитата из Андрея Амальрика. Книга-эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» была написана в 69-м году по следам советско-китайского конфликта, опубликована в 70-м году. Он, в частности, писал: «Я не сомневаюсь, что это великая восточнославянская империя (речь, конечно же, шла о Советском Союзе и пространстве Советского Союза – Ар. У.), созданная германцами, византийцами и монголами вступила в последнее десятилетие своего существования. Как принятие христианства отсрочила гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи - Третьего Рима, - но не в силах отворотить его».

Это публикация 70-го года. Представьте себе, мы сейчас обсуждаем то, что некоторые предполагали уже на много лет до этого.

Вторая цитата для нас даже более важна. Именно этот человек – Альгимантас Празиускас, востоковед, известный литовский специалист, опубликовал в 92-м году в старой «Независимой газете» эссе – «СНГ как постколониальное пространство», в котором он впервые в нашей историографии использовал то выражение, которое мы часто сейчас используем – «постсоветское пространство».

Он отмечал: «В бывших советских республиках ситуация усугубляется тем, что вследствие краха "социалистической" модели, в условиях катастрофического экономического спада развитие эволюционным путем практически исключено. Освободившиеся афро-азиатские страны, во всяком случае те, которые избежали соблазна так называемой социалистической ориентации, с определенными коррективами могли использовать в качестве модели политическую и в меньшей мере экономическую систему метрополии. Постсоветское пространство такого ориентира не имеет, а возможности применения восточноевропейского опыта, или поиска "третьего пути", к которому явно склоняются среднеазиатские государства, по меньшей мере сомнительны. Будет историческим чудом, если какая-либо из бывших советских республик сможет одновременно решить три труднейшие задачи - осуществить смену

политической и экономической системы и преодолеть экономический кризис, избежав при этом серьезных социально-политических потрясений и нестабильности».

Я специально привел эти две цитаты, чтобы нам договориться о терминах: прежде всего и о том, как так или иначе пространство связано с политикой.

Вообще я бы хотел обратить внимание на такой интересный аспект того, что мы сейчас обсуждаем. Мы говорим о некоем пространстве, которое существует. Но не все совсем так просто. Именно с 1991 года речь о пространстве начали вести совершенно в других категориях – то, что мы называем «новая политическая география».

Речь идет ни больше ни меньше о том, что после 91-го года стояла главная проблема перед новыми государствами, а именно об определении своего места в системе тех координат, которое называется «постсоветское пространство».

Что стало основным в этом процессе? Для тех, кто занимается историей, данный процесс очевиден. Для политологов большей частью (представлена, конечно, и наша аудитория) это выглядит несколько фантастично, так как мы говорим о том, как в общественном дискурсе, в академическом дискурсе и даже на уровне, скажем так, властных элит стало появляться совершенно новое явление, а именно геопространственное проектное сознание. Речь шла о некоем проекте. Вообще само понятие «проектного сознания» сейчас достаточно распространено и не требует никаких особых обсуждений или доказательств. Но именно в контексте проблемы позиционирования государств этот вопрос стал достаточно актуальным.

В данной связи мне хотелось бы обратить внимание, предварив свое краткое выступление, одной картинкой. Вы здесь видите довольно странное явление. Я специально взял этот образ из самого общедоступного источника – из Википедии, где само название слайда – «Сочетание несочетаемого?», на котором дается группа постсоветских государств и их соотнесение с конкретным регионом – Россия, Прибалтика, Восточная Европа, Закавказье и Центральная Азия.

Этот слайд называется «Сочетание несочетаемого?». И это неспроста, а отражает наше представление о тех географических регионах, которые входили в состав Советского Союза и сейчас так или иначе представлены на постсоветском пространстве.

Удивительная ситуация. С одной стороны, здесь присутствует Центральная Азия, которая никогда не существовала у нас, как известно, в таком виде, как она существует сейчас. Была Средняя Азия и Казахстан в силу экономического

районирования - объединение четырех республик в одну Среднюю Азию и выделение пятой – Казахстана – как отдельного экономического конгломерата.

Никогда Молдова, Беларусь и Украина не входили в Восточную Европу. Но здесь она присутствует. Но в то же время здесь присутствуют понятия Прибалтика и Закавказье. Это то, что нам досталось из советского прошлого.

Таким образом, наше представление о географии, о районах, входящих в постсоветское пространство или из которых оно состоит, весьма противоречиво. Именно эту цель я преследовал, показывая данный слайд.

Иными словами, речь идет о попытках идентификации конкретных регионов, которые составляют это пространство. Я постарался определить их. И думаю, вы с этим согласитесь. За исключением Восточного, который я не собираюсь рассматривать, потому что он относится все-таки к тому, что так или иначе связано с Россией и большей частью это все, что находится за Уралом.

Обратимся к Западному, Южно-Центральному и Юго-Западному районам. Это так называемые постсоветские геопространственные массивы, включающие большую конгломерацию соответствующих государств и народов.

Что произошло именно с точки зрения концептуализации этого пространства? Именно в этих странах, именно в этих регионах? Речь идет о совершенно необычном и в то же время очень распространенном явлении даже за пределами бывшего Советского Союза, когда так или иначе актуализируются бывшие геопространственные ретроконцепты. То есть существовавшие ранее государства, империи, объединения актуализируются с целью так или иначе обусловить существование нынешнего конкретного государства именно в данном регионе, это во-первых. А во-вторых, определить характер возможных его связей именно в контексте этих ретроконцептов.

Первый и наиболее интересный для нас – Балтия. Хотя Андрей Виленович просил не затрагивать её, все-таки я позволю себе коснуться её, потому что это тоже довольно интересное явление. В современном академическом, прежде всего и в какой-то степени экспертном дискурсе существует весьма конкретное представление об этом постсоветском регионе как некоем целом.

Речь идет ни больше ни меньше о концепции 1928 года, предложенной шведским ученым Стенном де Гиrom, который, исходя из географических особенностей региона и связей его со Скандинавией, обрисовал картину единого массива Балтоскандии, куда вошли три независимых государства после 1919 года. Речь идет об Эстонской республике, Литовской республике и Республике Латвии, а также

двух других государствах – Швеции, соответственно, и Финляндии, которые выделялись в некий геопространственный проект, имевший экономическую, военную, социальную, политическую и культурно-историческую общность, по его мнению.

В 1930 году, так или иначе, но именно в Литве эта концепция получила достаточно широкое распространение в академической среде и её известным сторонником являлся Казис Пакштас. Если вы возьмете сейчас публикации на литовском, латышском и даже частично на эстонском языках, то обратите внимание, что данная идея продолжает существовать. Она как бы пытается объединить то пространство, о котором говорил Андрей Виленович, - едино ли постсоветское пространство или нет, - в новую, совершенно новую структуру.

Речь идет ни больше ни меньше об объединении с Северной Европой и необходимости доказать, что полуостровная Северная Европа так или иначе связана с континентальной частью. Иными словами, как бы поддерживая государства Балтии именно на уровне этих Скандинавских стран во всех отношениях. Но прежде всего, ставится и задача извлечь определенную экономическую выгоду из всего этого.

Второй проект, который имеет также довольно древнюю традицию и часто сейчас обсуждается, кстати сказать, в белорусской прессе и, конечно же, в литовской. Речь идет о возрождении так называемого объединения Великого княжества Литовского (ВКЛ). Речь не идет об уничтожении государственных границ, а именно о создании массива. Массива, который так или иначе был связан с территорией пространства ВКЛ. Можно сказать, что это идея осовременивания некогда единого государственного образования, но в рамках уже нынешних реалий с сохранением государственных, разумеется, символов, государственных границ и государственной бюрократии.

Но, так или иначе, это свидетельствует о том, что имеется в виду создание нового региона именно на постсоветском пространстве.

Все мы знаем концепцию Междуморья, которая была выдвинута в свое время Пилсудским и ставила задачу фактически создания конфедерации от Балтийского до Черного морей. Эта же концепция сейчас очень активно используется и актуализируется в общественно-политических дискурсах стран, которые имеют вполне конкретное географическое место пребывания, то есть между Балтикой и Черным морем.

Фактически можно сказать о том, что стоит проблема создания нового региона, который мы можем назвать - Балто-Черноморский регион. Известна старая концепция

санитарного кордона, которая была политизирована. В данном случае речь идет о выделении со стороны этих государств себя из Восточной Европы, с одной стороны, а с другой стороны – отделении от России. Таким образом, создав нечто общее, целостное в политическом, экономическом и военном смысле, они образуют новый-старый регион.

Разумеется, не надо забывать, что большая часть государств, которые сюда так или иначе должны были бы войти, - это государства, сейчас входящие или в объединенную Европу, и входящие в НАТО.

Но что интересно: концепция Междуморья имела свои трансформации и свои конкретные очертания. Но в данном случае она как бы повторяет ту старую концепцию объединения Балто-Черноморского пространства в единое целое как массива – новое географическое пространство, хотя и со старыми историческими корнями.

Естественно, что сама идея такого объединения вызывает определенные, скажем так, возражения. Я здесь специально привел перевод с польского языка одного интервью известного румынского деятеля. Это бывший премьер-министр. Я не буду его полностью зачитывать, тем более что оно здесь есть на слайде. Интересно понять, насколько не воспринимается подобное конструирование со стороны, скажем так, западной части. То, что, конечно же, в России отношение к этому вполне конкретно негативное, все мы знаем. Но аналогично негативное отношение к созданию новых регионов и на Западе бывшего постсоветского пространства, где имеются государства, граничащие по восточной линии с соответствующими новыми, регионами так называемой новой политической географии.

Речь идет о том, что то или иное государство в силу определенных обстоятельств, еще начиная со времен Пилсудского (речь идет о Польше), могло бы оказаться «магнитом», который притягивает территориально, политически, экономически целый огромный массив, создавая таким образом образ великого государства. Все мы знаем – великая Польша, великая Болгария и т.д.

Именно это рассматривается новыми членами, кстати сказать, Европейского Союза и новыми членами НАТО как опасный прецедент раскола единства.

Реплика. Польское руководство теперешнее?

А.А. Улунян. Да, теперешнее. Вы видите, даже ссылка – 2016-го года. То есть это довольно серьезная вещь. То, что я сейчас показываю, - это не размышления отдельных политиков или любителей географических конструирований, а вполне конкретные проекции. Конечно, речь не идет о создании блоков в чистом виде, а,

скажем так, о попытке идеологически обеспечить единство в рамках нового региона. То, о чем мы часто говорим. Что же произошло? Дисперсия регионов, появились новые регионы? Да, появились новые регионы. Но они выглядят вот так.

Эта концепция так или иначе связана с экономической частью. В украинской современной публицистике, кстати сказать, даже не столько современной, сколько 30-40-х годов, эмигрантской данный вопрос серьезно обсуждался. Сейчас это появилось вновь, актуализировалось и носит название Балто-Черноморской оси или Балто-Черноморского коридора развития.

Вы уже видите по самому очертанию, что это так или иначе повторяет те исторические границы, которые были присущи как Великому княжеству Литовскому, так и тому объединению, которое называлось «Междуморье».

Кстати сказать, хочу напомнить, что в 1911 году в России существовал проект «Объединение Балтийского и Черного морей». Уже были подготовлены даже сметные документации. И только 1914 год остановил развитие этого проекта. Как видите, все проектирование, конструирование регионов имеет вполне конкретную историческую основу. Это не просто создание выгодных экономических или политических регионов, которые образуются в угоду конкретным политическим силам или руководству каких-либо стран.

Здесь я хотел бы обратить внимание на один факт, который, наверное, Вам как экономистам известен. У нас здесь присутствуют не только экономисты, но и политологи. А именно: формирование подобных регионов так или иначе связано, как правило, с транспортными «хабами» и артериями– коридорами.

И если вы обратите внимание на картинку, то увидите: насыщенность этих транспортных артерий полностью совпадает (просто по линии) с Балто-Черноморским регионом. Речь идет о создании региона, который будет контролировать серьезнейшим образом транзит между Западом и Востоком.

Идея 90-х годов о транзитных регионах сейчас приобрела новую силу. И это географическое конструирование постсоветского пространства носит не столько абстрактный идеологический, как я уже говорил, или политический смысл, но еще вполне конкретно экономический, имеющий под собой конкретную экономическую подоплеку.

Если мы опустимся ниже, уйдем немножко восточнее, это условный южно-центральный регион. Речь идет о создании тоже определенного проекта. Еще в 1992 году руководитель, ныне покойный, Узбекистана Ислам Каримов выдвинул идею

«Туркестана нашего дома». Против этой концепции, разумеется, выступили в Таджикистане по вполне понятным причинам. Потому что объединение тюркоязычных народов не совсем бы соответствовало интересам фарсыязычного народа таджиков по многим причинам.

С определенной долей скептицизма к этому отнеслись и в Казахстане, имея в виду противоречий между бывшим президентом Узбекистана и нынешним президентом Казахстана, так как шла борьба за лидерство в Центральной Азии.

Но сама идея создания так называемого Буйюк Тюркестон – Большого Туркестана, включая и его восточную часть – Восточный Туркестан, той части, которая находится в Уйгуристане или в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, включая помимо всего прочего все тюркоязычные регионы, имеет давнюю историю. Это такой идеологический, политический большой Туркестан, которым часто пугали как пантюркизмом, идеология которого так или иначе направлена на создание клина, способного рассечь целое геопространство регионов. В то же время этот проект имеет вполне конкретное не только политическое, но и экономическое содержание.

Если вы обратите внимание, что включается в этот проект, а именно в новый регион большого политического Туркестана, то сразу заметите: ресурсобразующей частью его является Восточная и Центральная части, начиная от Якутии, кончая Центральной Азией. Практически это самообеспечиваемое пространственное региональное объединение, способное в определенных условиях выступить конкурентом всему тому, что закрашено здесь белым цветом.

Разумеется, это идеалистическая модель. И попытка, например, создания обще-центрально-азиатского объединения, как известно, провалилась в 2005 году в силу того, что даже на основах тюркоязычной взаимности, в силу явных противоречий, нельзя автоматически объединить народы и страны. Речь шла о создании собственной модели, как они говорят, культурно-исторического, языкового единства, но имеющего вполне серьезную экономическую основу.

Реплика. Что там было в районе...закрашено (*на карте - прим. ред*)? К юго-западу ...Финляндии?

А.А. Улунян. Речь идет, наверное, о расселении татар. Точно так же, как в Литве, например, там своя история.

Здесь речь идет, конечно, о такой идеалистической модели. А эта модель куда более серьезная, и над ней достаточно серьезно работали в Центральной Азии. Прежде

всего, конечно, речь идет о том, что было влияние зарубежного фактора. Прежде всего Турции. Поэтому актуализировалась идея геополитического Туркестана.

Фактически постсоветское пространство оказалось разорвано. Если на Западе это будет Великое княжество Литовское, Балтоскандия, Междуморье, Балто-Черноморская Ось, то следующий проект носит такой стыковочный характер, идет в стык к тому, что идет с западной части и объединяет практически всю Центральную Азию, часть Афганистана, не говоря уже о Китае, и части Волжского бассейна России, где проживает тюркоязычное население.

Если вы обратили внимание, границы – крупные такие черточки – это, скорее, реальность. То, что обозначено мелкими точками, где вопрос стоял о тюркоязычных народах, - это уже некие представления.

Реплика. И Алтай.

А.А. Улуян. И Алтай. Это такой более идеологизированный процесс. Это еще один такой же довольно любопытный проект, который ставил своей задачей именно политическое единство и расщепление постсоветского пространства по принципу тюркоязычности.

Как все мы знаем, Туран включает не только тюркоязычные народы, но и финоугорские. Туда же включаются иногда и корейцы, и японцы. Это довольно сложная конструкция. Но в данном случае она носит, разумеется, исключительно тюркоязычный характер имея в виду проживающее там население и представляет собой довольно любопытную картину с точки зрения попытки объединения Центрального и Южно-Центрального пространства.

Если вы посмотрите на те же транспортные коридоры, то обратите внимание, что, прежде всего, именно в Центральной Азии концентрируется ядро всех путей. Фактически это является транспортным хабом. Здесь и ресурсы, здесь и транспорт, сетевые дороги. И речь идет практически о создании серьезного Центрально-Азиатского региона, способного выступить в определенной степени конкурентом других регионов.

Это конструирование, как видите, базируется тоже на вполне конкретной картине мира, а не просто на каких-то фантазиях или представлениях о том, кто кому является родственником в семье тюркоязычных народов.

В противовес этому появилась другая концепция, которая была выдвинута Ираном. Кто-то уже говорил о том, что существуют определенные противоречия между Ираном и Турцией. Речь шла о конструировании нового региона, но, конечно

же, в интересах прежде всего Ирана, включая бывшую территорию Советского Союза или постсоветское пространство.

На повестке дня был поставлен вопрос признания исторического факта или, скажем так, существования большого Ирана, или Ирон-и бозорг, который включает так называемый Ирон замин или иранские земли. Если речь идет об исторической действительности, да, такое было. Но надо иметь в виду еще культурно-историческое значение Ирана для Центральной Азии.

Этот проект выступил своего рода контрпроектом объединения тюркоязычных народов. Фактически в данной конфигурации Иран выступал при поддержке нынешнего Таджикистана, очень активной – с концепцией арийских народов, то есть индоиранской языковой группы народов. Речь шла об объединении в рамках единого пространства фарсоязычных народов.

Эта концепция имеет вполне конкретно выраженную экономическую составляющую. Появление в ней Туркменистана здесь тоже неспроста. Как мы все знаем, даже Махтумкули – известный туркменский поэт, похоронен, как известно, не в Туркменистане, а в том же Иране. Речь шла о создании иранского ядра, способного так или иначе создать свою реальность на постсоветском пространстве.

Я обратился специально к этой части конструирования, когда мы с вами говорим о Закавказье, Предкавказье или Южном Кавказье. Потому что для нас, конечно, государства, находящиеся за Кавказским хребтом, - это Закавказье. Но если мы будем смотреть с вами объективно на географию, то взгляд из России не совсем соответствует географической объективности. Мы с таким же успехом можем являться для этих народов тем же Закавказьем, потому что находимся за Кавказским хребтом.

Почему я обратился к этой теме? Сейчас достаточно активно ставится вопрос об объединении Каспийского и Черного морей. Речь идет, конечно, об экономических путях, о проходах и т.д. Фактически данный регион может превратиться в отдельный Кавказский регион. Довольно популярны здесь всевозможные идеи, выдвигаемые как в Грузии, так и в Азербайджане при поддержке Турции, - о создании определенных экономических путей, сообщения, хабов и т.д.

На данный момент можно сказать о том, что это еще раз говорит не о единстве постсоветского пространства, а об очень серьезной парцеллизации. Практически все государства, находящиеся в этих пространствах, выступают за его отделение от постсоветского пространства, создание некоего собственного ядра, вокруг которого и будет наращиваться все остальное. Не выступая в целом против всего пространства,

они хотят перетянуть так или иначе одеяло на себя с тем, чтобы доказать, что именно они являются центром при определенной поддержке соседних государств.

Я хотел бы обратить ваше внимание на эту странную картинку. Поскольку в политологии при обсуждении современных процессов не принято обращаться к прошлому, тем более что аналогия не есть суть доказательства.

Но мне хотелось бы обратить внимание на эту картинку по одной простой причине. Прежде всего, потому что именно здесь можно увидеть те пути, те маршруты, которые существовали. Если мы наложим (я не буду крутить обратно все картинки, которые показывал) одно на другое, речь идет о нынешних проектах и о том, что было в далеком прошлом, то обратим внимание на ярко выраженные совпадения: совпадения концентрации маршрутов, хабов с тем, что сейчас предлагается. Это тот же «Шелковый путь» (и как известно, он был не один, а их было несколько, тут и разные картинки), где так или иначе тоже сжимается пространство, именно граничащее, скажем, в южной части с постсоветским пространством или проходящее через его южную часть. Здесь те же транспортные коридоры.

Заключая это выступление, хотел бы сказать, к чему призвать и чем заключить, и, как Вы говорили, в чем суть? Фактически можно сейчас сказать о том, что все те проекты, которые предлагаются на исторической основе так или иначе, направлены лишь на одно – на выделение регионов из состава постсоветского пространства – во-первых. И, во-вторых, на необходимость превращения их в центральные регионы транзита.

Поэтому все обсуждения об интеграции постсоветского пространства, мне кажется, не совсем были бы верны без учета этих идей, пока, может быть, не реализованных, потому что реализация этих конкретных проектов не предусматривает реализацию проекта интеграции постсоветского пространства в целом.

Спасибо.